

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

© 2008 Т.В. Дробышева

Воронежский государственный университет

Общий для многих лингвистических направлений, в том числе для прагмаориентированных исследований, принцип “человек в языке” вполне согласуется с учетом гендерного фактора. Понятия “мужественность” и “женственность” при всей их общечеловеческой универсальности имеют определенную национально-культурную специфику. Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. В то же время во всех культурах соблюдаются различия между полами, и как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т. е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Обнаружение и описание этой специфики - одна из актуальных задач гендерной лингвистики.

Лингвисты А. Кирилина и М. Томская указывают на необходимость исследования письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, т. е. с учетом целей высказывания, стратегий и тактик речевого поведения. Применение гендерного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых - понимание пола как **социально и культурно конструируемого феномена** и его релятивизация. “Признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера ведет к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития” [3, 140].

Осмысление пола происходит не только как природного, но и как **конвенционального феномена**. В контексте такого подхода были сформулированы общие принципы гендерных

исследований, важнейший из которых — признание конвенциональности гендера, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития. При изучении коммуникации, речевого поведения и других феноменов, связанных с речью, московская школа также признает гендер “плавающим” параметром, т. е. фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций. Такая постановка вопроса, по нашему мнению, является наиболее современной и соответствует данным, полученным в новейших исследованиях по социальной психологии и социологии. Современные теории социальной идентичности рассматривают гендер как “разыгрываемый” или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия феномен (термин М. J. Collier).

Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова изучали общение в семьях московской интеллигенции. В качестве главного вывода авторы указывают на **отсутствие резких “непроходимых” границ** между мужской и женской речью в русском языке. Отмеченные ими особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления.

В мужской речи отмечаются **терминологичность**, стремление к **точности** номинаций, большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию **экспрессивных**, особенно **стилистически сниженных средств**, намеренное **огрубление** речи. К типичным чертам женской речи авторы относят **гиперболизированную экспрессивность** (жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов) и более частое использование **междометий** (типа ой!). У женщин заметна тенденция к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выражено используют **отрицательную оценку**, включают **стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы**. Однако авторы отмечают,

что “нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу” [2, 132].

На наш взгляд, сегодня речь идет не столько о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование. Процессы конструирования гендерной идентичности прослеживаются и на материале текстов художественного дискурса. Здесь различия в моделях мужского/женского речевого поведения проявляются нерегулярно, и гендер не является определяющим фактором коммуникации. В то же время в определенных ситуациях речевого общения влияние гендера обнаруживается в предпочтении одних приемов речевого поведения и блокировании других.

Эти выводы подтверждаются материалом нашего исследования, в котором мы изучали коммуникативно-прагматическое содержание образа главной героини (Дейзи) в романе Ф. С. Фицджеральда “Великий Гэтсби” на материале оригинала и двух вариантов его перевода на русский язык (1 Е. Калашниковой и 2 Н. Лаврова), где переводчики различаются по гендерному параметру (1 - женщина, а 2 – мужчина).

В ходе анализа коммуникативно-прагматической составляющей образа героини нами были установлены определенные повторяющиеся тенденции при интерпретации одного исходного образа у двух переводчиков. Эти тенденции являются следствием намеренного индивидуального выбора средств воздействия на читателей из целого диапазона возможных вариантов и, таким образом, служат отражением личности переводчиков, в том числе, могут обнаруживать их гендерную принадлежность.

Проанализировав выразительность речи переводчиков в сравнении с речью автора оригинала при передаче образа Дейзи - героини романа “Великий Гэтсби” (а именно тех фрагментов текста, в которых описывается манера ее речи и внешность), - мы пришли к заключению, что у переводчиков наблюдается как усиление выразительности, так и ее ослабление. Однако показательным оказался тот факт, что переводчик 2 (мужчина) гораздо чаще прибегает к усилению выразительности речи.

Так, например, оригинальную фразу, описывающую голос героини (Дейзи) *...but there was an excitement in her voice... a promise that she had done gay, exciting things just a while since that*

there were gay, exciting things hovering in the next hour, переводчик 1 передает следующим образом: *но в голосе было многое... отзвук веселья и радостей, только что миновавших, и отзвук веселья и радостей, ожидающих впереди*. Оригинальное существительное *excitement* трансформируется в *многое*, имеющее в данном контексте обобщенно-неопределенную семантику: ‘значительное по количеству, содержанию; от многих – составляющий неопределенно большое число, значительную часть чего-либо’. Реализованный здесь прием генерализации значения приводит в данном отрывке к снижению эмоциональности речи. Метафорическое употребление причастия *hovering* (парящих) трансформируется в стилистически нейтральное причастие – *ожидающих*, которое также снижает выразительность речи в переводе 1.

В переводе 2 этого фрагмента обнаруживается повышение экспрессивности, ср.: *но голос – это было нечто необыкновенное... слышались в нем отголоски буйного веселья и шальной радости, и, главное, обещания еще более неземных блаженств, ожидающих вас в недалеком будущем*. Оригинальное существительное *an excitement* переводчик 2 передает как *нечто необыкновенное*, где *нечто* – соответствует значению неопределенного артикля *an*, а *необыкновенное* – ‘не такой, как многие, как у многих, выделяющийся среди других; исключительный, чрезвычайный, очень сильный по своему проявлению’. Несмотря на обобщенную семантику данного сочетания по сравнению с исходным словом, за счет добавления имплицитной положительной оценки компенсируется часть утерянной эмоциональности.

В сочетаниях *буйное веселье* и *шальная радость* экспрессивность повествования выше, чем у Фицджеральда и у переводчика 1. Прилагательное *буйный* указывает на крайне высокую степень проявления эмоций и таким образом гиперболизирует ситуацию. Разговорное прилагательное *шальной* своей стилистической окраской и семантическим значением крайности в выражении эмоций также увеличивает экспрессивность речи переводчика. Переводческие добавления в отрывке *главное, обещания еще более неземных блаженств, ожидающих вас в недалеком будущем* (1 - вводное слово *главное*, 2 – традиционно-поэтическое прилагательное *неземной* в сравнительной степени, 3 – местоимение второго лица *вас*, подразумевающее обращение к читателю) являются средствами, акцентирующими особое внимание читателя на чувственности. Трансформируя оригинальное сочетание *gay, exciting things* в смежное по значению сочетание *неземные блаженства*,

переводчик актуализирует прием гиперболизации. Но при переводе метафорического причастия *hovering* (парящих) в переводе 2 происходит нейтрализация метафоры (*hovering* — *ожидающих*) и, следовательно, снижение выразительности.

Выявлена разница в использовании образных средств (метафор, сравнений, эпитетов). У переводчика 2 они употребляются во много раз чаще, чем у переводчика 1. Приведем примеры, отражающие использование образных средств при передаче одного и того же фрагмента исходного текста. Фицджеральд наделяет смех героини (*laugh*) такими эпитетами, как *sweet, exciting*. Переводчик 1 эквивалентно передает их: *мелодичный, волнующий смех*. Переводчик 2, опираясь на первое значение прилагательного *sweet* (сладкий), переводит его как *медовый*, усиливая за счет применения метафоры экспрессивность речи.

В оригинале посредством метафорических эпитетов в постпозиции, характеризующих голос героини — *glowing and singing*, и сравнительного придаточного предложения с метафорическим употреблением глагола *quicken* (*as if his absence quickened something within her*) достигается довольно яркая образность. Переводчик 1 сохраняет образность фразы, ср.: *У Дейзи словно что-то быстрее завертелось внутри, она снова наклонилась ко мне и сказала напевным, льющимся голосом*. Однако в переводе наблюдаются следующие трансформации: 1. употребление глагола *завертелось* с более конкретной семантикой имплицитно сравнивает героиню с неким механизмом; 2. препозиция эпитетов нейтрализует часть экспрессивности, кроме того, меняется образная основа метафорического переноса в эпитете *люющийся* (т. е. тот, который ‘распространяется, струится, течет’), тогда как оригинальный эпитет имел в своей основе сравнение с приглушенным светом от затухающего костра, что не меняет восприятие голоса героини (и в оригинале, и в переводе создается впечатление мягкости, приятное ощущение игривости).

В переводе 2 сравнение душевного состояния Дейзи с движением некоего механизма выражается эксплицитно, что усиливает экспрессивность повествования, ср.: *Внутри Дейзи словно заработал какой-то механизм, и закрутились колесики*. Голос героини в переводе 2 наделяется дополнительным эпитетом — *волнующий*, который не противоречит макроконтексту, но является отображением внутренних ощущений переводчика. Образные эпитеты оригинала передаются при помощи метафор и добавляется образное сравнение, ср.: *ее волнующий голос зажурчал, заструился и заиграл, как драгоценный камень в изумительной оправе*. Здесь необходимо

заметить, что развернутость в передаче эпитетов и, следовательно, большая эксплицитность приводит к усилению экспрессивности речи переводчика и проявлению его личного отношения к героине — любования ее голосом.

Переключение оценочного компонента в семантической структуре слов у переводчиков наблюдается как в сторону отрицательной оценки, так и в сторону положительной. Так, переводчик 2 пользуется довольно часто добавлением информации, что может приводить к переключению оценки, ср.: *held my hand for a moment* (задержала мою руку *на мгновение*), *удержала мою руку в своей на мгновение дольше, чем того требовали приличия*. Здесь создается эффект осуждения ‘нескромных действий’ Дейзи, который отсутствует в оригинале и является личным выводом интерпретатора. В переводе 1 рассмотрим пример, где в связи с особенностями морфологии английского языка при дословном переводе на русский язык может возникать негативная коннотация, которую переводчик 1 умело избегает за счет использования оттеночного суффикса, ср.: *husky, rhythmic whisper* (охрипший, ритмичный шепот), *хриловатый ритмичный полушепот*.

Особое внимание стоит обратить на частотное использование иронии в переводе 2, тогда как у переводчика 1 в этом фрагменте текста она отсутствует.

Стилистические сдвиги наблюдаются только у переводчика 2 и часто в сторону понижения стиля, небольшого огрубления речи, однако обнаруживается и единичный случай его повышения, который рассматривался в вышеописанном фрагменте. Приведем пример огрубления речи у переводчика 2. При создании образа Дейзи, Фицджеральд вскользь обращается к чертам ее лица: *...bright eyes and a bright passionate mouth*, сравним с переводом 2: *сияющие глаза и броский чувственный рот*. Атрибут *броский* принадлежит к разговорному стилю русского языка и огрубляет речь переводчика.

Также автор перевода 2 прибегает к использованию терминов, что не вполне соответствует стилю автора исходного текста и жанру художественной литературы в целом. В следующем примере манерность Дейзи подчеркивается в оригинале в следующем отрывке: *She laughed again, as if she said something very witty*. Автор перевода 2 конкретизирует семантику словосочетания *very witty* и прибегает к терминологическому слову *каламбур*, которое обозначает следующее: ‘шутка, основанная на использовании слов, сходных по звучанию но разных по значению, или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов’. Таким образом автором 2 достигается эффект дополнительной иронии.

Количественно можно представить результаты этой части исследования в таблице.

	Переводч. 1	Переводч. 2
1. Наличие образных средств	5	20
а) метафоры	1	8
б) сравнения	2	3
в) эпитеты	2	8
г) перифразы	0	1
2. Наличие стилистически маркированной лексики	0	7
а) снижение стиля	0	5
б) повышение стиля	0	1
в) термины	0	2
3. Наличие оценочного компонента	4	10
а) изменение в сторону положительной оценки	1	6
б) изменение в сторону отрицательной оценки	3	4
4. Наличие иронии	0	4

Таким образом, на нашем материале отчасти подтверждается то, что мужчины склонны к употреблению лексики сниженного стиля и терминов. Однако вопреки общепринятым представлениям, данный анализ показал большую выразительность речи переводчика мужского

пола, большую частотность образных средств. Это, с одной стороны, подтверждает тот факт, что гендер является плавающим параметром в речевом поведении, с другой стороны, данный факт может указывать и на то, что мужчина-переводчик действует “смелее” при выборе средств воздействия на читателей и больше “проявляет себя” как творческий человек, тогда как переводчик-женщина старается “послушно” следовать за текстом оригинала, порой забывая о том, что в американской традиции художественной литературы принят более сдержанный стиль и что иногда нейтральную фразу английского языка в определенном контексте и можно, и нужно переводить, используя более выразительные средства русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. - М., 1993. - С. 90-136.
2. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина, Томская М. – (<http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>).
3. Collier M. J., Thomas M. Cultural identity: An interpretive perspective // Y. Y. Kim, W. B. Gudykunst (Eds.) Theories in intercultural communication. - Newbury Park, 1988. - P.99-122.